

Мученик Димитрий (Вдовин)

3.02.1883–23.04.1942

**Архимандрит
Дамаскин
(Орловский),**
ответственный
секретарь
Церковно-
общественного
совета
при Патриархе
Московском
и всея Руси
по увековечению
памяти ново-
мучеников
и исповедников
Церкви Русской,
руководитель
фонда «Память
мучеников
и исповедников
Русской Православ-
ной Церкви»,
клирик храма
Покрова
Божией Матери
на Лыщиковой горе
(Москва),
www.fond.ru

23 января 1940 года Дмитрий Михайлович писал супруге из лагеря: «Ты пишешь и про- сишь не поддаваться унынию. Напрасно ты это думаешь. Я сам отлично знаю, что тоской и печалью делу не помо- жешь, и я чувствую себя очень хорошо — духом бодр, хотя отчасти плоть немощна, но для моего возраста и того достаточно, что имею, то есть здоровья, и тем более, где я нахожусь, сама обстановка не дает повод к большому унынию, — конечно, не дома, сама должна понять, но всё-таки коллектив людей на нашей колонне очень хороший — начальствующие люди симпатичные, ко мне относятся как те, так и другие очень внима- тельно, даже подчас думается, как будто бы я этого и недостоин, поэтому и нет основа- ния очень-то убиваться... Я вам писал даже не один раз, что посылки не шлите, так же и денег: расходы большие, а нужды большой нет, — я обхожусь, а у вас без того расходы, тем более это дело связано с такими неудоб- ствами по дальности. Читая строки твоего письма, я очень-очень рад за вас, что у детей наших дружба — это самая лучшая черта в жизни, и желаю им так же и в дальней- шем держаться ближе к дружбе, зная, что дружная семья веселее переживает радости и легче переживает неприятности...»

До смерти Дмитрия Михайловича в невы- носимых лагерных условиях оставалось чуть больше двух лет...

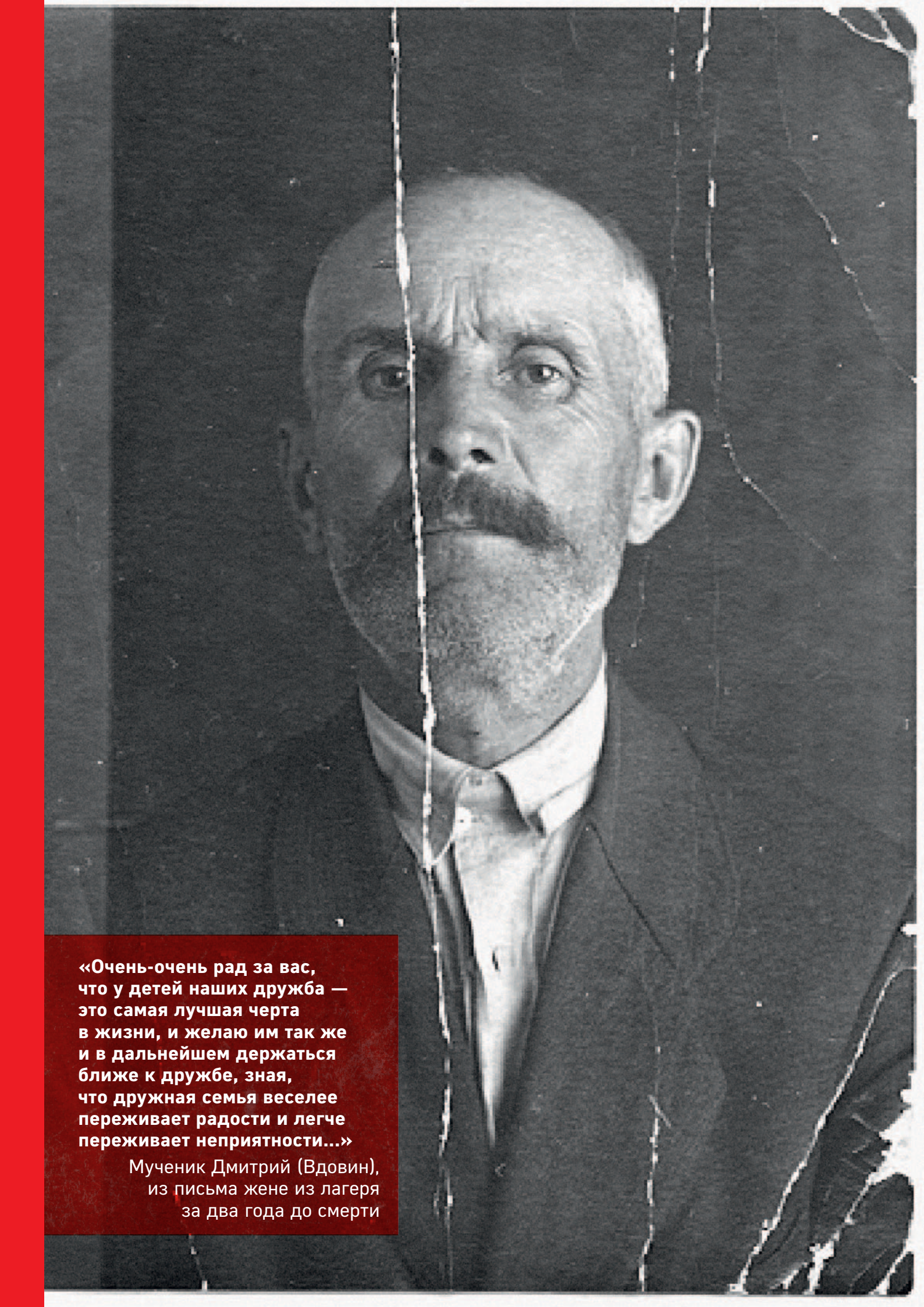
* * *

Мученик Димитрий родился 3 февраля 1883 года в городе Коломне Московской губернии в небогатой купеческой семье Михаила Антоновича и Любови Пантелеимовны Вдовиных. По окончании Коломенского городского училища отец отдал Дмитрия «в мальчишки» в торговую лавку к брату, и здесь он проработал до службы в армии. В 1910 году Дмитрий обвенчался с дочерью купца Ивана Архипова Надеждой и через два года завел свою посудную лавку, где был и хозяи- ном, и продавцом.

После революции, когда новообразо- ванное государство учредило для гра- ждан в качестве государственной религии атеизм и активно занялось разрушением хозяйственного уклада страны, Дмитрий Михайлович нанялся на работу в коломен- скую артель кондитеров. В 1919 году он был мобилизован в Красную армию, где прослужил до конца 1920 года. После демо- биллизации он стал работать в Коломенском уездном отделе здравоохранения. В 1924 году он вместе с будущим зятем и двумя племянниками открыл москательную тор- говлю, став совладельцем одной четвертой части магазина «Казакон и Вдовины». В 1928 году он занялся производством и продажей сит и решет. Однако свобода хозяйственной деятельности в стране вскоре была отме- нена, и в 1932 году Дмитрий Михайлович поступил рабочим в лесопильный цех коло- менского завода. В течение двух лет, в 1928 и в 1929 годах, он был старостой в одном из храмов города Коломны.

Несмотря на незначительность личных средств, Дмитрий Михайлович, как торго- вец в прошлом, был лишен избирательных прав. 15 апреля 1935 года власти Коломны приказали всем лишенцам в десятиднев- ный срок покинуть Коломенский район, и Дмитрий Михайлович поселился в городе Озёры Московской области. Но он не согла- сился с неправым решением и добился его отмены: 9 марта 1936 года ВЦИК удовлетво- рил его ходатайство, и он вернулся домой.

В 1937 году руководство страны дало разнарядку на арест определенного числа людей по каждой республике и области. Московские областные руководители рас- писали эти цифры на города и веси подчи- ненной им территории. Коломенский отдел УНКВД приступил к исполнению приказа. Были арестованы почти все еще находив- шиеся в это время на свободе священ- но- и церковнослужители Коломенского района, а также и некоторые миряне, и среди них — Дмитрий Михайлович. Он был арестован 22 августа и заключен в Коломенскую тюрьму.

**«Очень-очень рад за вас,
что у детей наших дружба —
это самая лучшая черта
в жизни, и желаю им так же
и в дальнейшем держаться
ближе к дружбе, зная,
что дружная семья веселее
переживает радости и легче
переживает неприятности...»**

Мученик Дмитрий (Вдовин),
из письма жене из лагеря
за два года до смерти

На допросе следователь предъявил ему обвинение в недовольстве советской властью.

— Мне нечем быть недовольным, — запротестовал Дмитрий Михайлович, — я живу неплохо, работаю, имею троих хороших детей, которые все устроены и работают.

— Ну, хорошо, давай говорить по существу, — по-дружески стал уговаривать его следователь, — ведь ты раньше торговал, у тебя сейчас дело порушили — как же тебе быть довольным?

Но Дмитрий Михайлович, не связывавший цели своей жизни исключительно с материальным благополучием, не согласился с его доводами, и на следующий день следователь заготовил для допроса иные вопросы. На этот раз он обвинил Дмитрия Михайловича в агитации против советской власти.

— Ну, скажите тогда, когда и где были случаи такой агитации? — резонно спросил его Дмитрий Михайлович.

— Ну как где? Ну, возможно, в Москве. Вы ведь снабженец — будучи по делу в Москве, могли агитировать.

Услышав эти нелепые утверждения, Дмитрий Михайлович запротестовал. Через два дня глубокой ночью, чтобы застать обвиняемого врасплох, следователь снова вызвал его на допрос.

— Дайте показания о вашей церковной деятельности! — потребовал он от Дмитрия Михайловича.

— В 1928–1929 годах я состоял членом церковного совета. С 1929 года членом церковного совета я не состою, но остался приверженцем тихоновской ориентации* до сегодняшнего дня, — отвечал тот, не пожелав скрывать своего отношения к Церкви.

— Вы арестованы как участник контрреволюционной церковно-монархической организации. Вы признаете это? — зашел следователь с другой стороны.

— Категорически отрицаю.

— Вы лжете перед следствием. Следствие располагает данными, изобличающими вас в участии в контрреволюции. Требуем от вас правдивого показания.

— Вторично утверждаю, что я членом контрреволюционной церковно-монархической организации никогда не состоял.

— Предлагаем вам прекратить запирательство и приступить к исчерпывающим показаниям о вашей контрреволюционной деятельности, — настаивал следователь.

— Я еще раз утверждаю, что никакой контрреволюционной деятельности никогда и нигде не проводил.

На этом допрос был закончен, и Дмитрий Михайлович, прочитав текст протокола и расписавшись под ним, потребовал, чтобы ему была дана очная ставка с оговорившим его лжесвидетелем. И 28 августа такая очная ставка состоялась. Свидетель подтвердил, что все его показания истинны. На что Дмитрий Михайлович сказал, что считает их

ложными и категорически отрицает, и спросил лжесвидетеля, что же он так делает или умирать не собирается? Свидетель ответил, что если бы Дмитрий Михайлович был на его месте, то поступил бы точно так же, как бы не замечая, что тот уже находится в таком положении, и если есть между ними разница, то разве что в вере и совести, которые не зависят от внешних обстоятельств.

1 сентября 1937 года Дмитрий Михайлович был перевезен из Коломенской тюрьмы в Таганскую, в Москву, где следователь снова потребовал от него показаний о контрреволюционной деятельности, на что он ответил: «Я ни в какой контрреволюционной организации не состоял и виновным себя в этом не признаю».

9 октября 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила Дмитрия Михайловича к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен в Бамлаг (Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь), куда прибыл 16 ноября. Первое время он работал на лесоповале. Тяжело заболев, он был помещен в лагерную больницу, где его признали инвалидом, и администрация лагеря направила его на работу в мастерские, обслуживающие строительство железной дороги.

* То есть на стороне Патриарха Тихона, а не поддерживаемого властями раскольнического движения обновленцев. — Ред.

Несмотря на то, что вину Дмитрия Вдовина доказать не удалось, тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения в ИТЛ.

Его отправили в Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь (на фото), где за несколько месяцев работы на лесоповале он стал инвалидом и был помещен в лагерную больницу, а затем переведен на более легкую работу в пошивочную мастерскую.

Через год он напишет жене: «...коллектив людей на нашей колонне очень хороший, начальствующие люди симпатичные, ко мне относятся как те, так и другие очень внимательно, даже подчас думается, как будто бы я этого и недостоин...».

Еще через два года он умрет от невыносимых условий и будет похоронен в безымянной могиле.

30 января 1939 года он сообщил родным, что находится в Дальне-Восточном крае на станции Известковая в поселке Кульдур и работает в 53-й колонне в пошивочной мастерской.

21 декабря 1939 года Дмитрий Михайлович писал супруге: «...Благодарю за заботу обо мне и о моем здоровье, я чувствую себя пока хорошо для моего возраста. Хожу уже без костылей, но с клюкой, то есть с палочкой. Ты пишешь, что я о ногах пишу скупно, — нет, я не скуплюсь, но не хотел бы писать о плохом, хотя и хорошего-то нет; вот скоро будет двадцать пять месяцев, как я выбыл от вас, и сколько еще пройдет, кто знает...»

30 декабря того же года он написал родным: «Вот уже и наступает 1940 год; да, время бежит, как вода, не зависит от того, что живешь хорошо ли, плохо ли. У нас стоит зима в полном разгаре, хотя морозов таких, как в прошлом году, нет, — погода чудная, морозы ночью средние, а днем высокое теплое солнце, так что в общем пока очень хорошо...»

26 января 1940 года Дмитрий Михайлович отправил заявление в прокуратуру РСФСР, прося пересмотреть его дело и освободить из лагеря, но получил на это стандартный для тех лет ответ, что оснований для пересмотра дела нет.

5 сентября 1940 года Дмитрий Михайлович обратился к руководству НКВД

с заявлением, в котором, в частности, писал: «...Считаю предъявленные мне обвинения <...> голословными и ни на чем не основанными и ничем не доказанными. <...> Я обращаюсь к Вам с просьбой, поручить затребовать дело о моем аресте и постановление тройки опротестовать на предмет его отмены и освобождения меня от дальнейшего заключения». Однако и это заявление осталось без ответа.

23 ноября он написал супруге и детям: «Я пока жив и сравнительно здоров, письма от вас получаю сравнительно нечасто — последнее было от 6 сентября. Погода у нас стоит хорошая, зима берет свои права, снежок выпал и лежит, морозы хорошие, так что подчас дают себя чувствовать. Но солнце светит ярко-ярко и на добрых и на злых...»

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, и всякая переписка между заключенными и их родственниками прекратилась. Последнее письмо, полученное от Дмитрия Михайловича, было отправлено им 28 мая 1941 года. Условия жизни заключенных с началом войны значительно ухудшились. Если на воле люди жили в условиях, близких к концлагерным, то в лагере и того хуже. Дмитрий Михайлович Вдовин скончался 23 апреля 1942 года в Средне-Бельском исправительно-трудовом лагере и был погребен в безымянной могиле. ♣.